

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

Евгений БАЧУРИН: БАРДЫ МЕНЯ ПРИЗНАЛИ ТОЛЬКО ПОСЛЕ ТОСТА ОКУДЖАВЫ

Автор и исполнитель песен Евгений Бачурин однажды проснулся знаменитым. Было это наутро после того вечера, когда Центральное телевидение показало скромный фильм-спектакль "Лица". Две женщины просто спорили о семье, о жизни, о любви. Для не избалованного телевизионной искренностью зрителя фильм оказался сущим откровением, тем более что играли там две замечательные актрисы — Симонова и Малеванная. Но еще большим откровением стала прозвучавшая в фильме песня. Кто успел, записал ее, потом вышла маленькая гибкая пластинка, и из всех окон понеслось негромкое: "Дерева вы мои, деревья", от которого было невозможно отвязаться. "Что вам головы гнуть-горевать?" — спросил то ли у деревьев, то ли у всего человечества поэт и музыкант Евгений Бачурин.

Профессионалы знали его к тому времени как художника. Московские тусовщики — как обладателя мастерской, где вечно народ собирался слушать песни под гитару. А еще его знали как музыканта, которого не сумел толково обругать даже тогдашний Союз композиторов, вообще-то бардов в упор не видевший.

Бачурин покорила Никиту Богословского раскованностью, широтой развития мелодии, свежестью и яркостью гармоний — так сказал сам композитор. Булата Окуджаву — песней "Сизый лети голубок". Евгения Евтушенко — поэзией. Массового слушателя — "Деревами".

— А сами вы как определили бы свое место в песенном творчестве, Евгений Владимирович?

— Я всегда стоял особняком. Помоему, все, что я писал, сильно отличалось от того, что делали другие.

— Но на какой территории стоял ваш особняк? После того как прозвучали на всю страну "Дерева", слушатели решили, что эта песня для вас — главная.

— Не очень-то я был рад тому, что узнали одну мою песню, может, и не лучшую. К тому времени — 1980 — 1981 годы — у меня вышел первый диск "Шахматы на балконе", и, на мой взгляд, там были не хуже песни. Потом дисков было пять и две компакт-кассеты. А вы говорите — "Дерева". Хотя благодаря "Деревам" в 80-х я стал

ездить, выступать. И в общем, правильно тогда слушатель определил главную мою тему. Я никогда не писал о войне. И о многих вещах не писал.

— Занимались вы скорее философским осмыслением взаимоотношений природы и человека...

— Лирико-философская, пейзажная тема, наверное, важна для меня и потому, что я все-таки художник. Просто песни оказались ярче, и они победили.

— Если вспомнить, что ваши выставки прошли в Швейцарии, Финляндии, Швеции, Австрии, США, не говоря о Манеже и ЦДХ, то победа песен кажется не бесспорной. А где вы учились?

— Учился в Ленинграде в Институте имени Репина, откуда с треском ушел. Мы оформляли Дом

культуры, в котором должны были пройти встречи международного фестиваля молодежи и студентов. Я как член комитета ВЛКСМ института собрал соучеников и сказал им: делайте, что хотите. Мы запаслись красками, рулонами бумаги и закрылись в ДК, чтобы творить. Когда комиссия увидела, что на творили, то обругала нас всякими словами, из коих "абстракционизм" и "Пикассо" были самыми мягкими. В результате скандала я и ушел. Потом учился в Полиграфическом институте в Москве, работал в журналах, занимался литографией, живописью.

— А с песнями отношения как складывались?

— Да обычно: собирался народ в мастерской — художники, артисты, литераторы, я им пел. Песни,

как водится, записывали-переписывали. Где-то в начале 70-х у меня их было десятка три. Стал выступать по всяким клубам и институтам. В 77-м предстал перед секцией песни Союза композиторов, очень хорошо был встречен. Но среди бардов меня приняли только тогда, когда Окуджава при всех призвал выпить за мою песню "Сизый лети голубок", он считал, что это одна из самых заметных песен за 20 лет. Мы дружили, Булат бывал у меня в мастерской, потом по-человечески как-то отделились друг от друга, разошлись...

— Как вообще складывались ваши отношения с бардами?

— Никак, не тусовочный я человек. Уже знали Никитиных, Высоцкого, Окуджаву, а я лет на 10 позднее начинал. Считалось, что мы пришли вместе с Дольским — он из Ленинграда, я из Москвы. Видите ли, бард — это автор и музыки, и стихов, и исполнитель песен. Если чего-либо в этой триаде не хватает — это не бард. Такое мнение не прибавляло мне друзей.

— После "Лики" и всплеска популярности "голубок" куда полетел?

— Да повсюду летал. Участвовал в фестивалях — в Таллине, Подмосковье, в Саратове. С 1985-го стал ездить за границу — в Польшу, Америку. В Англии выступал в клубах и на Би-Би-Си. Переводчики к тому времени появились, и, когда я пел в Кембридже, надо мной на слайде красовался подстрочник того, что пою. Все это интересно. Но, как говорится в анекдоте, а что толку? Я не считаю, что все, что я делал и делаю, востребовано.

— Правда ли, что у вас есть песня, в которой вы предсказали чернобильскую катастрофу?

— Песня "Полынь" была написана за несколько месяцев до Чернобыля. Можно услышать в ней и предсказание катастрофы.

— "Вот только у певца счастливого лица не увидеть никак, хоть Богом он отмечен" — так поют сегодня ваши слова молодые музыканты, которые с вами выступают.

— С полгода назад пришли ко мне ребята — Ольга Шевелева, она скрипачка, с замечательным голосом, и Петр Лелюк, оба профессиональные музыканты. Они сами захотели исполнять мои песни и понимают, как их петь. Мы стали вместе работать, с их приходом связано то, что я теперь чаще выступаю.

— Сейчас, наверное, больше будут востребованы те ваши песни, в которых главное — ирония, сарказм. А неприятностей у вас в свое время из-за таких песен не было?

— Были, но не очень. Вызывали всего пару раз... В Минске однажды пришел на свой концерт и вижу объявление: "Автор заболел, концерт отменяется". Но концерт все же состоялся — на чьей-то даче. Конечно, в 70-е годы так было: не очень-то поиронизируешь, посмеешься над действительностью, могли и с работы выгнать человека, пригласившего меня в клуб. Но такие песни я сочинял. Самая известная — "Непокорные дети покоренных отцов".

— А самая актуальная сейчас?

— Ну, надо взять гитару... Вот радиостанция "Эхо Москвы" популяризировала "Великанский вальс" 93-го года.

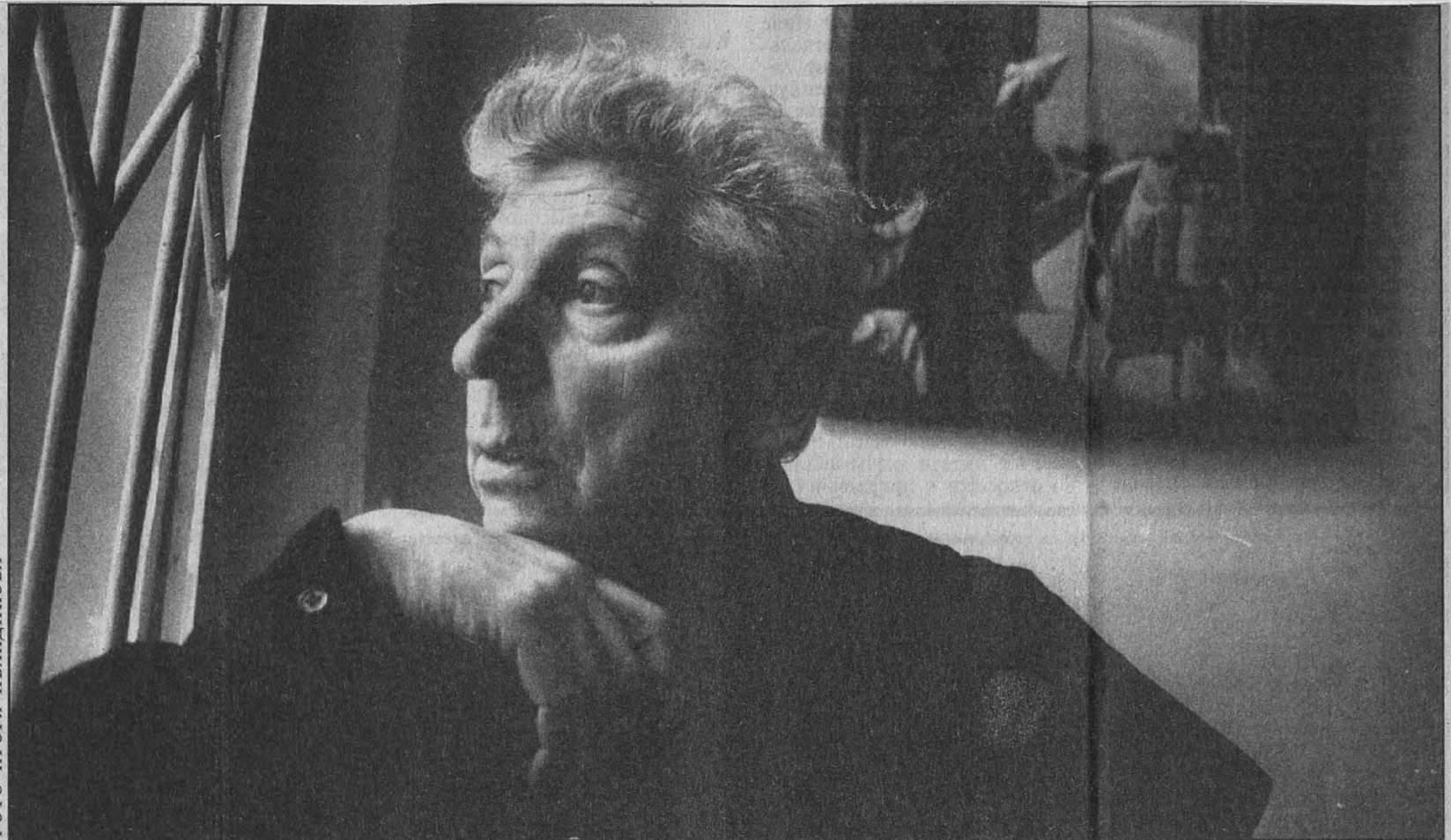
— "И пока, матерясь, надевал он штаны, поменялись и власть и границы страны..." Вы не хотели бы войти в какое-либо общественное движение?

— Разве что в "Гринпис", но я понятия не имею, как это сделать. Обращались ко мне представители движения "Кедр", но мы не знали, о чем говорить. Понимаете, не деятель я по характеру, а созерцатель. Свидетель всеобщей жизни. И песни мои — это плачи. Плачи по человечеству. Ситуация — то у человечества, грубо говоря, скверная, несмотря на все достижения науки и техники.

Это удивительно, но почти на каждой из картин художника Бачурина есть дерево. Если оно не присутствует зеленой своей кроной, то хоть тенью, хоть облаком. А "Родина" — это просто дорога, текущая между очень разных деревьев.

Встречалась Ксения КЛИМОВА.

ФОТО ИГОРЯ ИВАНДИКОВА

Взл. клуб - 1998 - 4 июня - 67.